

Волкова Виктория Борисовна

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА "АСАН" В
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: Л. Н. ТОЛСТОЙ И В. С. МАКАНИН**

Статья раскрывает приёмы моделирования индивидуально-авторского концепта "Асан" в интертекстуальном пространстве романа В. С. Маканина. Автором устанавливаются историко-литературные параллели между романом "Асан" и повестью "Кавказский пленник" Л. Н. Толстого, выявляются интертекстуальные связи между главными героями произведений. Многослойность концепта обнаруживается посредством выявления темпорального признака и таких признаков, как "дружба" и "предательство".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/5/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 39-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

TERMINOLOGICAL FIELD OF COMBINATORIAL LINGUISTICS

Marina Vital'evna Vlavatskaya, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Novosibirsk State Technical University
vlavatskaya@list.ru

The author discusses the formation of the terminological field of combinatorial linguistics that studies the syntagmatic relations of linguistic units and their combinatorial potential. The conceptual-terminological framework of this direction is necessary for the description of its subject matter – the combinatorial syntagmatic features of linguistic signs. The logically ordered system of terms contains already existing and re-emerging terms reflecting the results of research within the framework of the combinatorial science about language.

Key words and phrases: combinatorial linguistics; combinatorial lexicology; combinatorial lexicography; syntagmatics; combinatorics; position; combinatory; valence; distribution; context.

УДК 82.09

Филологические науки

Статья раскрывает приёмы моделирования индивидуально-авторского концепта «Асан» в интертекстуальном пространстве романа В. С. Маканина. Автором устанавливаются историко-литературные параллели между романом «Асан» и повестью «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого, выявляются интертекстуальные связи между главными героями произведений. Многослойность концепта обнаруживается посредством выявления темпорального признака и таких признаков, как «дружба» и «предательство».

Ключевые слова и фразы: индивидуально-авторский концепт «Асан»; признаки концепта; интертекстуальность; роман В. С. Маканина «Асан»; «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого.

Виктория Борисовна Волкова, к. филол. н., доцент

Кафедра культурологии и русского языка

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

VBL2004@bk.ru

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА «АСАН»
В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ: Л. Н. ТОЛСТОЙ И В. С. МАКАНИН[©]**

Моделирование индивидуально-авторского концепта представляется малопродуктивным вне интертекстуальной парадигмы, поскольку интертекст служит одним из способов объективации концептов. Концепт «Асан» в интертекстуальном поле демонстрирует отсутствие четких границ между смежными компонентами концептуальной сферы. Многослойность концепта образует «единое смысловое поле, составляющие которого определенным образом взаимодействуют между собой и комбинируются в разных его фрагментах» [6, с. 176].

Главный герой маканинского романа Жилин является тем самым ядром концептуальной сферы романа, вокруг которого формируются интертекстуальные метасмыслы, потому что именно Жилин отождествляется с мифологическим Асаном. Вокруг него конструируются события, принадлежащие как прошлому, так и настоящему. Иногда, на первый взгляд, даже не имеющие значения факты и никак не связанные с главным героем фрагменты действительности, выдернутые из монументального жизненного полотна, тоже втягиваются в водоворот общего повествования, а логика подобного примагничивания может стать ясна только позднее, в раскручивании следующего сюжетного хода. Так, в «Кавказском пленнике» Л. Н. Толстого ядро повествования – плен, раскрывающий Жилина, его здоровую душу, а у Маканина – сам Жилин (Асан). Интертекстуальная связь двух Жилиных по мере раскрытия маканинских метафор конкретизируется.

Симптоматично, что толстовский герой собирается домой, чтобы не только повидать умирающую мать, но и жениться, однако после плена принимает решение остаться на Кавказе. В противоположность маканинский Жилин уже женат, у него есть дочь. Не он едет домой, а к нему в Чечню приезжает отец. Такая своеобразная оппозиция создаёт интертекстуальное поле, где актуализируются временные пласты: о прошлом толстовского Жилина ничего неизвестно, как и о его будущем, а маканинский Жилин имеет прошлое (он родом из вымышленного городка Ковыльска-на-Урале, там живёт его отец; жена строит дом на берегу красивой русской реки, сам герой в довоенной действительности был строителем в инженерных войсках, из-за чего и оказался в Грозном по приказу, где строил склады, которыми позднее и заведовал вместе с другом-чеченцем «питерского разлива» Костыевым (ср. Костылин Толстого) и будущее (остаётся дочь после его гибели).

Темпоральный признак крайне важен в структуре концепта «Асан», ведь каждый из Жилиных выступает «героем» своего времени, продуктом своей эпохи. Маканин намеренно привязывает своего героя к прошлому, иначе степень мотивированности характера уменьшилась бы, поэтому в повествовании появляется отец, образ которого некоторые критики считали недостаточно мотивированным. Более того, и отец, и сын

у Маканина обретают свой голос, который не заглушаем голосом автора. Все позиции равноценны, что позволяет говорить, если исходить из теории М. М. Бахтина, о полифоничности романа.

В «Кавказском пленнике» автор подавляет героя, подчиняет его себе, т.е. «доминирует не свернутое в мгновение время, а “биографическое время”, протекающее с нормальной длительностью во внутренних пространствах» [3, с. 61], роман Маканина ближе к полифоническим романам Достоевского, где автор вступает с героем в диалогические отношения, сохраняя позицию «внезаходимости». Этим можно объяснить, почему повествование в романе ведётся от первого лица через третье, что вызвало недоумение некоторых критиков [1]. Автор и герой как бы выстраивают диалог, но слово автора, его позиция явлены читателю опосредованно, оно «введено внутрь высказываний, то есть происходит гибридное совмещение авторского и чужого голоса (в том числе голоса персонажа или подставного рассказчика) в рамках единой синтаксической конструкции» [3, с. 55]. Это двухголосие, по Бахтину, которое в романе является разнонаправленным, выступает пародией.

Жилин Маканина – пародия на классического однофамильца. Толстовский герой в силу цельности своей природы противостоит судьбе, как греческий герой, бросает вызов и побеждает в этом поединке. Маканинский герой лишён всякой целостности, поскольку через него перешагнуло время, он сломан самой эпохой. А. С. Немзер справедливо заметил: «Военному строителю циничное и трусливое начальство предназначило роль жертвы, а сцепление случайностей и могучая витальность позволили переменить участь – не только выжить, но и стать военным снабженцем, хозяином “материальных ценностей” (бензина, обмундирования, харчей, ну и оружия, которым осмотрительный майор, однако, предпочитает не торговать), равно потребных федералам, боевикам и чеченским селянам. Жилин поладил с “этим временем”, которое на самом деле началось – и совсем не только на Кавказе – задолго до того, как официально дозволили менять “что хочешь на что хочешь”». Один из самых известных (доперестроечных!) рассказов Маканина – «Полоса обменов» [8]. Созидатель, по сути, строитель «журавлиных домов», получивший классическое «совковое» воспитание (неоднократны ретроспекции Жилина, обращённые в детство, в отдельные воспитательные моменты; показательны и рассуждения об отце, мировоззренческие установки которого характеризуются словом «совок», и напоминания читателю, что именно отец играл большую роль в его воспитании), главный герой романа при этом выступает как разрушитель, подпитывая войну «горючкой». Но иной жизненной линии у героя быть и не могло, сама эпоха перекрыла ему другие дороги. Отсюда и маканинский релятивизм: человек не властен в своей судьбе, поскольку является марионеткой в руках объективных (у Маканина не обязательно высших) сил, и от того, какая из сил побеждает в данный момент, зависит и очередной поворот человеческой судьбы.

О полифонии маканинского романа можно говорить только потому, что сам автор на это указал в одном из своих интервью, отвечая критику В. Л. Топорову, увидевшему в «Асане» госзаказ: «...трагедия отдельного человека эстетически выше и больше всех войн вместе взятых. Им про слезинку ребенка – а они о госзаказе. Что тут скажешь! Для этих критиков есть “что-то”, есть “анти-что-то”. Им неинтересно знать, что есть еще и третье, так называемое “другое”. Кроме первого и второго, есть и четвертое, пятое, двадцатое» [2]. Мотивируя интертекстуальную связь с произведениями Толстого, Маканин в том же интервью утверждает, что любит в «Асане» «мысль индивидуальную»: «Меня в романе интересовал отдельный человек, личность и драма этой личности как таковая. Погибший солдат от пули, двое погибших, рота, полегающая под огнем, – это горе, беда, ошибка военачальника, но это не трагедия. Трагедия, как учат наши великие учителя греки, – это когда человек гибнет ради того, что он любит. Или когда он убивает то, что он сам любит. Война лишь процесс, внутри которого трагедия происходит... это роман о человеке, о трагедии характера. Война выбрана в качестве обстоятельств, в которых развивался мой герой и в которых погиб. Мог быть и другой фон, однако это потребовало бы дополнительных, возможно, долгих объяснений. Война в этом смысле, в смысле раскрытия трагедии человека – мать родная» [Там же].

В художественном дискурсе романа Маканина есть ещё один важнейший признак, маркирующий интертекстуальную связь, – дружба: Жилин – Костылин и Жилин – Костыев. Толстовский Жилин оказывается в плену по вине другого офицера – Костылина, друг маканинского Жилина Костыев просто сбегает, причём дважды, бросив товарища в сложной ситуации. Признаки «дружба» и «предательство» относятся к числу наиболее ярких и эксплицитных. Концепт «Асан» – смысловой центр, «в котором стучаются отдельные темы и мотивы» [4, с. 137]. С точки зрения парадигмы «текст – смысл», «мотив сопрягает различные и многие текстовые ряды в единое смысловое пространство», задавая направление «от тематической концепции мотива к его интертекстуальной трактовке» [9]. Дружба и предательство являются базовыми мотивами в художественных картинах мира этих писателей, поскольку способность дружить быть верным дружбе – это лакмусовая бумажка, выявляющая нравственное здоровье героев.

В тексте «Кавказского пленника» автор не использует лексемы «дружба», «друг», подруга и их производные, но встречается лексема «товарищ». В романе «Асан» отношения Костыева и Жилина выстраиваются именно как дружеские («Мы крепко сдружились» [7, с. 226], «Мы так и дружили» [Там же, с. 227], «настоящая дружба» [Там же, с. 230], «Наша дружба возродилась с первого же дня» [Там же, с. 260]). У Толстого в лучших традициях реализма всё строго объективно: Жилин ведёт себя порядочно по отношению к малознакомому ему человеку в силу своих убеждений. У Маканина мотив дружбы поливалентен: Костыев – друг-чеченец, укоренившийся в Петербурге, сбегает со своей прародины в тот момент, когда начинается война, и первая, и вторая. Жилин разочаровывается в настоящей дружбе с чеченцем, т.е. с «чужим», и с большой иронией говорит герой о восточной дружбе и взаимовыручке. Предательство не столько в самом побеге Костыева, сколько в нарушении общечеловеческого закона, ведь он даже не предупреждает Жилина о предстоящей войне, хотя сам об этом узнаёт заранее. В межнациональных отношениях Маканин строго разграничивает понятия «свой» и «чужой», доказывая, что между ними дружба невозможна в силу

объективных исторических обстоятельств. Дружба у Маканина возможна в условиях «свой» и «свой», поэтому для мотива дружбы тематический принцип (тема войны) является основанием. У Толстого дружба между «своим» и «чужим» невозможна в силу объективного противостояния.

При осмыслении интертекстуальной парадигмы «Толстой – Маканин» возникает один вопрос, заданный ещё Лермонтовым: «Зачем?» – ответ на который давал, так или иначе, каждый из писателей. Толстой, как известно, после двухлетнего пребывания на Кавказе многое в своих взглядах пересмотрел [10, с. 11]. Ещё до Толстого, утверждает литературовед К. К. Султанов, М. Ю. Лермонтов сформулирует в стихотворении «Валерик» магистральный вопрос русской классики (задолго до «что делать?» и «кто виноват?»), связанный с «кавказской» темой в литературе. В рассказе «Набег» Толстого варьируется этот вопрос: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым звездным небом? Неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщениия или страсти истребления себе подобных?» [11, с. 21]. К. Султанов отмечает: «Уже в ранних произведениях Толстой как мыслитель и художник взял на себя полную ответственность за неумозрительность этики солидарности как неунничтожаемой войной ценности, за неупоточность фундаментального принципа “люди-братья” как свободного и практически целесообразного выбора, развернуто обоснованного в статье “Не могу молчать”: “Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь... вспомните, кто вы. Ведь вы прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерями, царями, прежде всего вы – люди”» [10, с. 14].

У Маканина «зачем?» звучит риторически, потому что каузальная связь событий нарушена в мире людей с калейдоскопическим сознанием. Каждое новое событие не осмысливается в связи с предыдущим и последующим, а только меняет картинку, поэтому столь навязчивы маканинские повторы в художественно обыгрываемых ситуациях (например, и Гусарцев, и Жилин гибнут при совершенно одинаковых обстоятельствах). Маканин в осмыслении войны близок Лермонтову, который сомневается в том, что кровавый бой будет для чеченца уроком («Чеченец посмотрел лукаво / И головою покачал»).

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин в качестве одной из черт концепта выделяют полиапеллируемость, подразумевая, что есть «множество способов апелляции к одному и тому же концепту» [5, с. 53]. К индивидуально-авторскому концепту «Асан», смоделированному в одноимённом романе Маканина, своеобразными способами апелляции, «входами концепта» являются произведения классиков. Структура концепта «Асан» многослойна и разнородна, что определяет его ценностную значимость в рамках художественного дискурса.

Список литературы

1. Александров Н. Д. «Асан», или Риторика Маканина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openspace.ru/literature/projects/73/details/5971> (дата обращения: 26.07.2012).
2. Арефьев Е. Владимир Маканин: литература – та же жизнь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/articles/2009/03/13/802854.shtml> (дата обращения: 26.07.2012).
3. Гоготишвили Л. А. М. М. Бахтин // Лексикон неонклассики: художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 53-62.
4. Дячук Т. В. Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX – начала XX века: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 208 с.
5. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: сб. статей. М. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 50-57.
6. Крючкова Н. В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): дисс. ... докт. филол. наук. Саратов, 2009. 558 с.
7. Маканин В. С. Асан. М.: ЭКСМО, 2008. 480 с.
8. Немзер А. С. Служил на Кавказе... О новом романе Владимира Маканина [Электронный ресурс] // Время новостей. 2008. 1 сентября. URL: www.ruthenia.ru/nemzer/makanin-asan.html (дата обращения: 26.07.2012).
9. Силантьев И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (дата обращения: 26.07.2012).
10. Султанов К. К. «Кавказский текст» Л. Толстого в онтологическом измерении // Лев Толстой и мировая литература: материалы международной конференции. Тула: Издательский дом «Ясная Поляна», 2007. С. 5-26.
11. Толстой Л. Н. Набег // Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 2. Повести и рассказы. 1872–1903. С. 7-32.
12. Топоров В. Л. Асан хочет денег [Электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/columns/2008/7/26/190384.html> (дата обращения: 26.07.2012).

INDIVIDUAL-AUTHORIAL CONCEPT “ASAN” MODELING IN INTERTEXTUAL PARADIGM: L. N. TOLSTOI AND V. S. MAKANIN

Viktoriya Borisovna Volkova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Culturology and Russian Language
Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov
VBL2004@bk.ru

The author reveals the modeling techniques of the individual-authorial concept “Asan” in the intertextual space of V. S. Makanin’s novel, describes historical-literary parallels between the novel “Asan” and the narrative “Prisoner of the Caucasus” by L. N. Tolstoi, determines intertextual connections between the main characters of the works, and reveals the multi-levelled nature of the concept by identifying its temporal feature, and such features as “friendship” and “betrayal”.

Key words and phrases: individual-authorial concept “Asan”; features of concept; intertextuality; novel “Asan” by V. S. Makanin; “Prisoner of the Caucasus” by L. N. Tolstoi.